

«традиции» восстановить «норму». Таким образом, автор показывает, как из одного из самых сакральных обрядов в культуре человечества уходит духовное содержание.

Литература

Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М. : Наука, 1990. С. 64–99.

Васильева О. В. «Страдание» в мотивном комплексе повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы» // Вестник ЧГУ. 2008. № 3. С. 221–225.

Горелов А. А. Н.С. Лесков и народная культура. Л. : Наука, 1988.

Лесков Н. С. Житие одной бабы // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 6 т. М. : Правда, 1973. Т. 1.

Поздина И. В. Повести Н.С. Лескова 1860-х годов в аспекте жанрового синкретизма, мифопоэтики и народной культуры : автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.

Рябинович М. Г. Свадьба в русском городе XVI в. // Русский народный свадебный обряд / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. Л. : Наука, 1978. С. 7–37.

Столярова И. В. В поисках идеала : творчество Н.С. Лескова. Л. : ЛГУ, 1978.

Троицкий В. Ю. Лесков-художник. М. : Наука, 1974.

УДК 821.161.1

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-3

Н.Д. Шамова

*(Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия)*

**ЛЕГЕНДА О КРЫСОЛОВЕ В ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА:
В.Я. БРЮСОВ, А.С.ГРИН, М.И.ЦВЕТАЕВА**

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация легенды о Крысолове русскими писателями Серебряного века. Особое внимание уделяется причинам обращения авторов к данному сюжету. Анализируются индивидуальные трактовки сюжета легенды.

Раскрывается актуальность произведений с данным сюжетом для литературы начала XX века.

Ключевые слова: легенды, Крысолов, литературные сюжеты, русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные образы.

В начале XX века наблюдается тенденция всей мировой культуры и литературы в частности к ремифологизации. В «Поэтике мифа» Е. Мелетинского дается следующий комментарий к этому явлению: «В XX в. мы сталкиваемся с крутой “ремифологизацией” (по крайней мере в рамках западной культуры), значительно превосходящей по своему масштабу романтическое увлечение мифом в начале XIX в., противостоящей демифологизирующему процессу в целом» [Мелетинский 1995: 10].

Этот процесс наложил отпечаток на всю литературу начала века. В то время многочисленные интерпретации древнегреческих мифов, русских фольклорных сюжетов, а также средневековых легенд прослеживаются в творчестве писателей и поэтов различных направлений и течений. В частности, легенда о Крысолове привлекала внимание многих авторов. Каждый писатель и поэт, обращаясь к легенде, вкладывает в нее свой собственный смысл и актуализирует ее значение для своего времени.

Самое известное изложение легенды о Крысолове представлено в пересказе братьев Grimm. Их история повествует о бродячем музыканте, который, играя на волшебной флейте, избавляет город Гаммельн от грызунов. Однако городские власти отказались выдать Крысолову обещанную плату за его работу. Тогда тот решил отомстить, снова заиграл на дудочке и увлек всех детей Гаммельна в горы, где они бесследно исчезли. При всей своей фантастичности и загадочности Легенда о Крысолове обладает рядом документальных фактов. Так, она находит свое отражение в городских хрониках, в церковных витражах и местном летоисчислении, а также имеет конкретную датировку.

Пересказ братьев Grimm довольно прочно закрепился в западной литературе. Многочисленные интерпретации данного сюжета присутствуют в творчестве немецких писателей, таких,

как И.В. Гете, Г. Гейне, К. Зимрок. Образ Крысолова для них символизировал искусство, уводящее за собой людей в прекрасный иной мир.

Первым писателем, который ввел средневековый сюжет о Крысолове в русскую литературу, был Валерий Брюсов. В 1904 году он пишет небольшое стихотворение «Крысолов». Интересно, что в данном произведении образ Крысолова представлен, прежде всего, в ироническом ключе. Лирический герой играет на дудочке и мечтает о встрече со своей возлюбленной. Он не певец чистого высокого искусства, а скорее приземленный музыкант, больше похожий на пастуха:

Я на дудочке играю,
Чьи-то души веселя [Брюсов 1972: 46]

Его искусство не уводит из мира людей, а, напротив, существует в этом мире. Оно – развлечение для слушающих. Легкомысленный рефрен «Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля» [Брюсов 1972: 46], фривольное отношение героя к возлюбленной, незатейливый пейзаж – всё это создает атмосферу несерьезности. Сам выбор в качестве музыкального инструмента дудочки вместо флейты придает образу некоторую приземленность и приближенность к реальности. Данное произведение, на наш взгляд, можно рассматривать как лирическую пасторальную зарисовку.

Совершенно другую интерпретацию сюжета о Крысолове мы видим в рассказе А. Грина. Необходимо отметить, что это первое прозаическое обращение к легенде. В. Перельмутер отмечает ту универсальность, которую открывает прозаическая форма: «Это – первое прозаическое обращение к теме. А проза ведь претендует на внимание всей читающей публики. В отличие от поэзии, обращенной преимущественно к избранным, если угодно, к читательской элите...» [Перельмутер 2002: URL].

Необходимо сказать и о том, что А. Грин переносит действие в Петроград 1920 г. Это приближает рассказ к революционной действительности того времени. Повествование обладает рядом документальных подробностей. Так, автор прямо называет адреса, где происходят события (Сенная

площадь, 5-я линия Васильевского острова). Здание банка, в котором происходит основное действие рассказа, существовало в реальности.

Главный герой произведения – молодой человек без имени, потерянный в революционном городе, голодный, не имеющий никаких перспектив на будущее. Он молчалив, сторонится людей. Тем удивительней тот факт, что на улице герой знакомится с девушкой, которая прикалывает ему на воротник булавкой номер телефона.

В лучших традициях новелл Э.А. По и Э.Т. А. Гофмана герой идет по пустому дому за женским голосом, видит призраков прошлого: банкиров, дам в пышных платьях; слышит звуки музыки и звон бокалов. Все это приметы той жизни, которая навсегда исчезла в вихре революции. И после этих непонятных видений герой слышит разговор крыс: «Он умрет, – сказал неизвестный, – но не сразу. Вот адрес: Пятая линия, девяносто семь, квартира одиннадцать. С ним его дочь. Это будет великое дело Освободителя. Освободитель прибыл издалека. Его путь томителен, и его ждут в множестве городов. Сегодня ночью все должно быть окончено. Ступай и осмотри ход. Если ничто не угрожает Освободителю, Крысолов мертв, и мы увидим его пустые глаза!» [Грин 2008: 307].

Крысы в рассказе – это таинственные, мистические и зловещие существа. Они появляются в огромном тихом доме совершенно неожиданно и наводят ужас на героя. У них есть способность менять свое обличье. Крысы пытаются удержать героя любой ценой, перевоплощаясь то в маленького ребенка, то в девушку, к которой персонаж испытывает любовь. Их характеристика полнее всего дается в старинной книге «Кладовая крысиного короля», фигурирующей в рассказе: «Им благоприятствуют мор, голод, война, наводнение и нашествие. Тогда они собираются под знаком таинственных превращений, действуя как люди, и ты будешь говорить с ними, не зная, кто это. Они крадут и продают с пользой, удивительной для честного труженика, и обманывают блеском своих одежд и мягкостью речи. Они убивают и жгут, мошенничают и

подстерегают; окружаясь роскошью, едят и пьют довольно и имеют все в изобилии» [Там же: 315].

В революционном Петрограде неудивительно такое нашествие крыс. Они приходят в эпоху больших потрясений и перемен. А. Варламов в своей книге «Александр Грин» делает о происходящем следующий вывод: «История как война крыс и людей – вот что такое написанный в 1923 году "Крысолов". Но крысы важны не сами по себе, а как примета и суть времени» [Варламов 2008: 266].

Сам Крысолов в рассказе – настоящий воин. Его портрет дан довольно скупо: «Острый нос, бритые, тонкие, с сложным упрямым выражением губы, яркие, бесцветные глаза и клочки седых бак на розоватом лице, оканчивающемся направленным вперед подбородком, погруженным в голубой шарф, могли заинтересовать портретиста, любителя характерных линий» [Грин 2008: 313]. Он ведет борьбу с крысами и далек от того поэтического образа, который бытовал в литературе до этого. Крысолов не проводник в другую реальность. Сами крысы приходят из неведомого мира, он же выполняет свою работу и благородно сражается с ними.

От победы крыс могут спасти только настоящие чувства. Герой совершенно искренне любит девушку, которая когда-то с теплотой отнеслась к нему. Он хочет спасти ее и ее отца. И его старания, несмотря на все испытания, венчает успех. У крыс не получается задержать героя.

Из всех произведений, рассматриваемых нами в данной статье, «Крысолов» Марины Цветаевой фабульно сильнее всего совпадает со старинной легендой. Действие разворачивается в Гаммельне. Этот город – символ объективной действительности, реальности. Того самого мира вещей, к которому Марина Ивановна испытывала презрение. Жители Гаммельна пусты и пошлы. Очень важно отметить, что даже во сне (символе ухода от реальности в мир ирреальный) бюргеры видят все происходящее с ними в обыденной жизни:

Муж видит жену,
Жена видит мужа,
Младенец–сосок,

Краса толстощекая –
Отцовский носок [Цветаева 2015: 246].

В образах Бургомистра и других жителей Гаммельна Марина Цветаева отразила свое презрение к быту, к обыденной и размеренной жизни. Антитезой к этому миру выступают крысы. В поэме их образы, безусловно, также символичны. В самом тексте произведения существуют намеки на то, кто же они на самом деле:

– Есть такая дорога – большак...
– В той стране, где шаги широки,
Назывались мы... [Цветаева 2015: 267].

Кроме такой игры слов, в произведении присутствует многочисленная лексика революционного времени (Главсвист, главблуд и т.д.). Итак, крысы – это большевики. Они были той силой, которая могла бы изменить обыденную действительность бюргеров, но вместо этого, крысы сами становятся похожими на жителей Гаммельна:

– У меня отрастает живот:
До колен, как у царских крыс.
– У меня – так совсем отвис [Там же: 266].

Но революционная романтика все еще живет внутри крыс. Именно поэтому их уводит Крысолов, обещая вечную борьбу и завоевание Индии. В произведении мы видим первое предсказание того, к чему приведет мечта о мировой революции, – к гибели.

Крысолов в поэме выступает в двух функциях. С одной стороны – он провокатор, ведущий крыс к верной гибели, с другой – проводник в мир чистого искусства, невозможного в обыкновенной жизни, и в этом качестве он выступает, когда ведет детей к озеру.

Дети – это чистые и незапятнанные души, которым Крысолов обещает вещи, которые они любят (для мальчиков – игры, для девочек – страсти), и свободу, недоступную в пошлой и грубой жизни Гаммельна. Крыс и детей объединяет мотив их увода. Разница в том, что хотя и те, и другие идут на верную

смерть, одних ждет не гибель, но очищение. В понимании Марины Цветаевой дети попадают в рай:

Жить – стареть,
Неуклонно стареть и сесть.
Жить – врагу!
Всё, что вечно, – на том берегу! [Цветаева 2015: 312].

В фундаментальном исследовании Инессы Малинкович причина гибели детей видится в следующем: «Вера в сказку, бескомпромиссный рай мечты, отвергающей жизнь, погубила детей» [Малинкович 1999: 123]. Исследователь считает, что основная идея произведения заключается в развенчании «харизмы Крысолова как власти вождя-демагога, подыгрывающего толпе и губящего легковверные массы» [Там же: 115]. На наш взгляд, это не совсем верно. В поэме гибель детей показана как отрицание пошлой жизни и переход в мир лучший, чем реальность Гаммельна. Крысолов умерщвляет детей в их физической оболочке и в этом плане действительно совершает преступление, но также освобождает их души. Согласно такой трактовке, гибель детей можно воспринимать как лучшую участь.

Таким образом, проанализировав ряд интерпретаций легенды о Крысолове, можно сделать вывод о том, что взгляды на эту историю у авторов различны. Валерий Брюсов избавляет фигуру Крысолова от налета загадки и мистики, осмысляя его образ в ироническом ключе. Александру Грину видится непрекращающаяся борьба людей и крыс, причем последние ловко прячутся и маскируются под людей. Марина Цветаева выносит приговор одновременно бюргерам и крысам и представляет собственную трактовку гибели гаммельнских детей.

Литература

- Брюсов В. Я.* Стихи. М. : Современник, 1972.
Варламов А. Н. Александр Грин. М. : Молодая гвардия, 2005.
Грин А. С. Крысолов. Спб. : Лимбус-Пресс, 2008.
Малинкович И. З. Судьба старинной легенды : И.В. Гете, К. Зимрок, Р. Браунинг, Г. Гейне, М. Цветаева. М. : Синее яблоко, 1999.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа М., 1995.

Перельмутер В. П. Время крыс и крысоловов // Октябрь. 2002. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/7/shen-pr.html> (дата обращения: 03.11.2017).

Цветева М. И. Лучшее. М. : Мартин, 2015.

УДК 821.161.1-32(470.5)

ББК Ш33(235.55)63-44

А.С. Шабурова

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

ХРОНОТОП ОХОТНИЧЬИХ РАССКАЗОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ОХОТНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРА ПОС. ГАРИ, 1977)

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию охотничьих рассказов Северного Урала (пос. Гари Свердловской области). Материал гаринской университетской фольклорной экспедиции 1977 года малоизучен и представляет научный интерес. Автор статьи реконструирует процесс охоты, начиная от сбора на нее и заканчивая победой охотника или зверя, как он представлен в текстах. Значительное внимание уделяется роли охотника как медиатора между миром леса и миром людей.

Ключевые слова: быличка, охота, медведь, охотники, уральский фольклор, хронотоп.

Объектом рассмотрения данной статьи являются 23 охотничьих рассказа, входящих в гаринскую коллекцию 1977 года, собранную в результате фольклорной экспедиции студентов-филологов УрГУ; большинство из них близки жанру былички.

Охота для жителей Северного Урала играет большую роль, оставаясь здесь одним из главных видов деятельности и по сегодняшний день. Это обусловлено территориальным и климатическим положением поселка Гари: вокруг непроходимая тайга, зона рискованного земледелия, тесные контакты с коренными народами этих земель (ханты, манси).